

УДК 7.04: 299.572
А.И. ГИЗБРЕХТ

**ПЕРСОНАЖИ РУССКОГО НЕОЯЗЫЧЕСКОГО ПАНТЕОНА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ:
ВОПРОСЫ ИКОНОГРАФИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Гизбрехт Андрей Иванович, аспирант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33), shemael@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена иконографии ряда персонажей русского неоязыческого пантеона, проблеме формирования и интерпретации их образов. Материал для исследования – произведения современных отечественных художников. Автор делает выводы о степени сформированности образов божеств и основных тенденциях.

Ключевые слова: современное язычество, русское неоязычество, славянское родноверие, неоязыческая мифология, современное «языческое искусство», современное изобразительное творчество.

UDC 7.04: 299.572
A.I. GIZBREKHT

**CHARACTERS RUSSIAN NEO-PAGAN PANTHEON
IN THE WORKS OF RUSSIAN ARTISTS:
QUESTIONS OF ICONOGRAPHY AND INTERPRETATION**

Gizbrekht Andrei Ivanovich, graduate of the Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy str., 33), shemael@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the iconography of a number of characters of the Russian neo-pagan Pantheon, the problem of formation and interpretation of their images. Material for the study of works by contemporary native artists. The author makes conclusions about the degree of formation of images of deities and the main trends.

Keywords: modern paganism, Russian neo-paganism, slavic rodnoverie, neo-pagan mythology, modern «pagan art», modern fine art.

В русле неоязычества, как правило, происходит реанимация архаических политеистических культов и мифологии: последователи этого течения стараются максимально достоверно воспроизвести древние обряды, осознать и принять миропонимание человека языческой эпохи. Вместе с тем полная аутентичность становится естественно недостижимой даже в том случае, когда в наличии имеется обширный корпус исторических источников, включая сакральные тексты, что обусловлено принципиально иными социокультурными условиями, в которых пребывает современный человек. В итоге, в неоязычестве формируются области неомифа и неоархаики, реконструируются недостающие фрагменты мировоззрения и практики (в ряде случаев весьма вольно, без учета традиции и тенденции), и чем меньше аутентичных источников по данной теме, тем обширнее область реконструкции и откровенного домысла.

Весьма сложная ситуация сложилась в русле русского неоязычества и особенно это наглядно в контексте новой мифологии, которая значительно обогатилась не только мифологическими темами, сюжетами, но и персонажами. Эта проблема первоначально приобрела интерес в научных кругах в свете фальсификации мифов древних славян, а ныне рассматривается и в контексте современного мифотворчества [1].

В сравнении с персонажами пантеона русского неоязычества, которые многими авторитетными исследователями признаются в качестве «традиционных» персонажей мифологии славян (т.н. «старые боги»), «новые боги» гораздо более многочисленны (по самым приблизительным подсчетам их не менее 70, что особенно наглядно в сравнении с 10-16 «старыми»). Однако даже поверхностное наблюдение позволяет говорить об очевидном

и неоспоримом превалировании произведений (как в количественном, так и в качественном отношении), в которых ключевой темой остаются «старые боги», их образы. Это отчасти обусловлено недоверием, критическим отношением к мифотворчеству со стороны значительного числа последователей родноверия.

В целях конкретизации выводов была проведена выборка и последующий анализ произведений, в которых лейтмотивом выступает рассматриваемая тема. В результате сформировался корпус источников, посвященных 36 персонажам («новым богам»), из 176 работ, в числе которых живопись, графика, культовая скульптура, декоративные панно и другие произведения, широко представленные на страницах тематических интернет-сайтов и в качестве иллюстративного материала в специализированной литературе. Интересно, что значительное число божеств представлено в одной-двух работах, отсутствуют культовая скульптура (кумиры), на основании чего можно сделать довольно уверенное предположение, что культы «новых богов» пользуются незначительной популярностью, мало распространены, это, как привило, частность, нежели правило. Данный вывод в целом подтверждается также социологическими исследованиями: в статье Р. Шиженского и О. Тютиной [2] такие «новые боги», как Коляда, Купало, Лель и Леля, Крышень названы в числе почитаемых божеств одним-двумя респондентами [2, с. 91-93]. В свою очередь, такое положение создает конкретную ситуацию в поле художественного творчества, характеризующуюся единичностью образов, посвященных новым богам, их непроработанностью, т.к. художники не проявляют к ним большого интереса. В этом ключе интерес могут представлять иллюстрации, сопровождающие тексты из Славяно-арийских Вед о почитаемых божествах: в условиях отсутствия известных работ, одни боги представлены изображениями других богов, например, выполненные художником Н. Антиповой к «Словарию славянской мифологии» Белбог [3, с. 20] представлен как Крышень [4, с. 57], а Род [3, с. 262] как Рамхат [4, с. 39].

Тем не менее имеется возможность выделить ряд персонажей, которые занимают значимое место в новой мифологии, а также пользуются определенной популярностью в творчестве художников (каждому из персонажей посвящено около 10 работ), в их числе выделяются Перуница (Магура), Заря-Зареница (Зимцерла, Дива, Дивия, Мерцана), Святобор и Зевана (Девана), Числобог, Коляда, Чур, Лель.

Славянской валькирией можно назвать Перуницу (Магуру), известную по Велесовой книге: она прилетает к павшим в бою и поит их из рога водой Жизни Вечной [5, с. 15]. Образ красавицы-воительницы, имеющий параллели с героико-романтическими образами северной мифологии, оказался довольно востребованным. Она изображается вооруженной, часто облаченной в шлем и доспехи (М. Кулешов, «Перуница»; В. Корольков, «Перуница» [6, с. 144-145], Б. Ольшанский, «Перуницы»; Радомир Сёмочкин, «Лик Перуницы»). Несмотря на упоминание рога с водой Жизни, в руках крылатой богини художники чаще изображают кубки (В. Морозов, панно «Магура»; Н. Антипова, «Магура (Перуница)» [3, с. 190]; А. Клименко, «Живая вода Магуры»). Из всех произведений, пожалуй, наиболее оригинальна работа Радомира Сёмочкина «Перуница», представляющая Магуру в виде обнаженной дамы с мечом в руках и развевающимися волосами.

Еще одно популярное женское божество – богиня зари (Заря-Заряница, Зимцерла, Зарница, Мерцана). Образ весьма поэтичный и яркий, а сам персонаж, упоминающийся в русских заговорах, в контексте индоевропейских мифологических параллелей кажется весьма правдоподобным. По-видимому, именно из контекста заговоров образ Зари тесно связывается с Алатырь-камнем (Н. Антипова, «Алатырь-камень» [3, с. 10]; В. Корольков, «Алатырь-камень» [6, с. 6]; Н. Генкина, «Алатырь-камень»). Персонаж, по причине слабой проработанности, не имеет какой-то мифологической конкретизации, и потому художники получают значительную свободу в его формировании. Вместе с тем в рассматриваемых работах можно наблюдать ряд устойчивых элементов в виде обязательного наличия украшений и головного убора – кокошник, очелье, венец (Н. Антипова, «Заря (Дива, Дивия)» [3, с. 105]; Радомир Сёмочкин «Заря-Заряница»; М. Сочилина, «Зорюшка») или

использования ярко-красного цвета в проработке наряда (Б. Ольшанский, «Заря-заряница» [7, с. 13]; В. Корольков, «Алатырь-камень» [6, с. 6]; А. Шишкин «Заря-Зареница» [8]).

Многие «новые боги» (особенно из числа западнославянских) впервые появились в сочинениях краеведов и путешественников XVI–XVIII вв. как следствие недобросовестного подхода к собираемому материалу (Услад и Зимцерла) [1], ввиду отсутствия сколько-нибудь научного подхода или в случае художественного домысла. Позже это часто воспроизводилось как достоверные сведения и, несмотря на критические научные исследования, уверенно вошло в пантеон русского неоязычества, отчасти благодаря идее наличия общеславянского пантеона даже в период развитого Средневековья. По-видимому, этим обусловлено появление в составе почитаемых божеств Святобора и Зеваны. В работе начала XIX в. А. Кайсарова «Славянская и российская мифологии» [9] Зевана названа богиней лесов и охоты, а Святобор лесным божеством, при этом какие-либо мифы, связанные с ними, не указаны, да и внешний облик идолов неизвестен, подчеркивается автором. Впрочем, уже в «Словаре славянской мифологии» [3] многие из этих проблем были «решены»: Зевана названа богиней зверей и охоты, Бор (Святобор) – богом леса и повелителем леших, оба получили довольно точную иконографию. В «Русских легендах и сказания» в продолжение развития мифа Святобор и Зевана уже представлены супругами [6, с. 167].

В иконографии Зеваны сложился устойчивый образ охотницы с луком в руках, часто натянутым, с медвежьей шкурой на плечах и головою зверя в виде своеобразного шлема (Н. Антипова, «Зевана (Зевония)» [3, с. 112]; А. Шишкин, «Девана» [8]; В. Корольков, «Зевана» [6, с. 86]; И. Ожиганов, «Девана»). В работе А. Гусельникова [10] ее образ более архаизируется, раскрывается в контексте первобытной эпохи и сопровождается изображениями костей мамонта, примитивных оружия, одежды, украшений. Что касается иконографии Святобора, в данном случае можно наблюдать, как он представлен с типичной внешностью для большинства божеств русского неоязыческого пантеона – бородатым мужем в одеянии в «славянском стиле» (А. Шишкин, «Святибор» [8]; А. Клименко, «Сказки русского леса» [11]) или лешим, соединяя в своем облике антропоморфные и растительные элементы (Светозар Сёмочкин, «Святобор»; В. Иванов, «Царь русского леса» [12, с. 41]).

Числобог и Коляда – божества, связанные с хронологией и календарем. Числобог в целом мыслится как бог времени и само время, как указывает Велесова книга, «наши Дни здесь считает. Он говорит свои числа Богам, быть Дню Сварожьему, быть ли Ночи...» [5, с. 13]. Коляда – календарный фольклорно-мифологический персонаж восточных славян, получивший в современном язычестве статус бога зимнего солнца, который отвечает за совершение годового цикла «Коло Сварожье». В этом контексте интересны трактовка термина «календарь» как «Коляды дар» и название одного из неоязыческих календарей «Круголет Числобога» [4].

Возвращаясь к иконографии, следует сказать, что если образ Коляды формируется устойчивыми солярными мотивами, тесной связью с зимою и молодостью (А. Шишкин, «Коляда» [8]; М. Кулешов, «Коляда»; Ю. Никитина, «Коляда»), то в отношении Числобога можно довольно уверенно утверждать обратное: его образ еще не устоялся. Бог времени изображается то в облике сосредоточенного старца за свитком с некими расчетами (А. Шишкин, «Числобог»), то наблюдающим цветение растений и полеты птиц (В. Корольков, «Числобог»), то мужчиной, шагающим по циферблату из прошлого в будущее (Н. Генкина, «Четвертое измерение. Бог времени Числобог»), то просто идиолом с двумя лицами в виде лубочных Солнца и Месяца (Н. Антипова, «Числобог» [3, с. 322]).

Бог Чур, впервые появившийся на страницах «Краткого мифологического лексикона» М. Чулкова как «хранитель межи» [1, с. 147] в современном пантеоне видится уже богом-предком, хранителем человека от зла, «Небесным Богом, охраняющим изначальные рубежи» [4, с. 79]. Несколько графических работ, посвященных ему, объединяет только наличие «чуров» – деревянных идолов, межевых столбов (Н. Антипова, «Чур» [3, с. 328]; В. Корольков, «Чур» [6, с. 202]; М. Лосенко, «Чур»). В работе М. Сухарева «Чур» в большей

степени была проработана тематика рода и предков через фаллическую символику и изображение черепов.

Довольно любопытную трансформацию образа можно наблюдать у Леля – бога любви и страсти, сына богини Лады, который представлялся рядом авторов XVIII–XIX вв. [1] крылатым младенцем, почти аналогичным Эроту-Купидону (Н. Антипова, «Лада» [3, с. 175]), однако с течением времени этот персонаж сливается с весьма популярным героем известного произведения «Снегурочка» пастушком Лелем. Этот юноша изображается Б. Ольшанским [7, с. 10], И. Ожигановым, и в контексте их работ на тему славянской мифологии уже трудно отличить бога от сказочного героя. В работах А. Шишкина «Лель» [8], В. Королькова «Лель – повелитель певчих птиц» [6, с. 104-105]; в работе Святозара Сёмочкина «Лель» однозначно фигурирует божество, но уже без всякого намека на крылья, младенчество и «метания из рук искр» – это юноша в славянской одежде с неизменной свирелью в руках. Тот же атрибут – дудочка / свирель – стал ключевым в иконографии божества в контексте культовой скульптуры.

В целом относительно культовой скульптуры можно заметить, что в ее массе представлено огромное число персонажей неоязыческого пантеона из числа «новых богов». На сайтах специализированных интернет-магазинов («Славянская лавка», «Велес», «Северная сказка» и пр.), на личных страницах/сайтах мастеров (Яромир Великородов, Александр Филимонов и др.) можно найти кумиры не только Чура, Коляды, Числобога, Зари-Заряницы, Леля, но и Вышеня, Крышеня, Рамхата, Мороза, Ящера, Кошея, Бабы-Яги, Квасуры и многих других, вместе с тем они преимущественно единичны. В большинстве своем кумиры выполнены однотипно: схематично резаный по деревянному цилиндру идола лик, такое же схематичное изображение рук с «канонической» атрибутикой в них, несколько орнаментальных полос и знак с именем (если кумир небольшого размера, то некоторые элементы опускаются). Несмотря на отличия работ разных мастеров, редко можно встретить работы, решенные неординарно.

В заключение можно сделать ряд выводов. Во-первых, иконография «новых богов» проработана преимущественно слабо либо вообще не проработана, что обусловлено как отсутствием авторитетных источников, так и неоднозначностью описаний в специальной литературе. Во-вторых, определенную «популярность» образов «новых богов» в творчестве художников создает не столько культовая востребованность в неоязыческой среде, сколько поэтичность, символичность самого персонажа, его мифологическая историчность и наличие аналогий / параллелей в других мифологиях. В-третьих, иконография находится в процессе становления, обогащаясь фольклорными, литературными темами, сюжетами, преобразует сложившиеся и создает новые образы.

Литература

1. *Кутарев О.В.* История мистификаций и домыслов в области славянского пантеона (до середины XIX в.) // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Нижний Новгород, 2016.
2. *Шиженский Р.В., Тютина О.С.* Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований (статья №2) // COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES. Вып. I. Нижний Новгород, 2014.
3. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород, 1995.
4. Славяно-Арийские Веды. Книга третья. Инглизмъ. Слово Мудрости Волхва Велимудра. Ч. 2. Омск, 2000.
5. Веды Руси. Велесова книга. Ярилина книга. Белая Крыница. М., 2011.
6. *Медведев Ю.М.* Русские легенды и сказания. М., 2014.
7. Борис Ольшанский [Альбом]. М., 2006.
8. Галерея работ // А. Шишкин: официальный сайт. URL: <http://a-shishkin.ru/gallery.html>
9. *Кайсаров А.* Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. Саратов, 1993.

10. Я Русь. Картины Андрея Гусельникова [Изоматериал]. М., 2014.
11. Русь Ведическая в картинах Андрея Клименко. М., 2006.
12. Русь Древнейшая в картинах Всеволода Иванова [Альбом]. М., 2010.

References

1. *Kutarev O.V.* The history of hoaxes and speculations in the Slavic pantheon (until the mid XIX century) // Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research. Nizhnij Novgorod, 2016.
2. *Shizhenskij R.V., Tjutina O.S.* Some aspects of the codification of the phenomenon of modern Slavic paganism according to field research (Article №2) // COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES. Vyp. I. Nizhnij Novgorod, 2014.
3. *Grushko E.A., Medvedev Ju.M.* Slovar' slavjanskoj mifologii [Slavic mythology Dictionary]. Nizhnij Novgorod, 1995.
4. Slavjano-Arijskie Vedy. Kniga tret'ja. Ingliizm. Slovo Mudrosti Volhva Velimudra. Chast' 2 [Slavonic-Aryan Vedas. Book Three. Ynglism. The Word of Wisdom of Volkhv Velimudr. Part 2]. Omsk, 2000.
5. Vedy Rusi. Velesova kniga. Jarilina kniga. Belaja Krynica [Vedas of Russ. Veles book. Yarila book. White Krynica] / Prochtenie i perevod Aleksandra Asova. Moscow, 2011.
6. *Medvedev Ju.M.* Russkie legendy i skazanija [Russian legends and sagas]. Moscow, 2014.
7. Boris Ol'shanskij [Al'bom]. Moscow, 2006.
8. Galereja rabot [Gallery of works] // A. Shishkin: oficial'nyj sajt. URL: <http://a-shishkin.ru/galery.html>
9. *Kajsarov A.* Slavic and Russian mythology // The myths of the ancient Slavs. Saratov, 1993.
10. Ja Rus'. Kartiny Andreja Gusel'nikova. Izomaterial [I am Rus. Paintings Andrew Guselnikova. Fine material]. Moscow, 2014.
11. Rus' Vedicheskaja v kartinah Andreja Klimenko [Vedic Rus in the paintings of Andrei Klimenko]. Moscow, 2006.
12. Rus' Drevnejshaja v kartinah Vsevoloda Ivanova. Al'bom [The most ancient Rus in the paintings Vsevolod Ivanov. Album]. Moscow, 2010.

